

⁶ Забулис Г.К. Поэтическая модификация философии индивидуализма накануне и в эпоху Августа: Автореф. докт. дис. М., 1983. С. 1-30.

⁷ Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. Л., 1987.

⁸ Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 130-131, 216-217; 138-139, 217.

⁹ Переводы произведений Горация даны по кн.: Квинт Гораций Флакк. М., 1970.

¹⁰ Соуду J.V. Horace and Callimachean Aesthetics // Latomus. 1977. Vol. 147. P. 3-130; Wimmel W. Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augustuszeit // Hermes. Einzelschrift. Hft 16. Wiesbaden, 1960; P u e l m a - P i w o n k a M. Lucilius und Kallimachus. Frankfurt am Main, 1949.

¹¹ Благовещенский Н.М. Гораций и его время. Варшава, 1978. С. 21.

¹² Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима / Отв. ред. М.Л.Гаспаров. М., 1985, т. 1. С. 319.

¹³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. С. 426.

¹⁴ "Эпикуреизм есть философия свободного индивидуализма" (Там же. С. 204).

¹⁵ Чистякова Н.А. Художественная культура античного мира // Художественная культура в докапиталистических формациях / Отв. ред. М.С.Каган. Л., 1984. С. 165-173.

В.С.Дуров

ДВЕ "ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ" САТИРЫ ГОРАЦИЯ

(Hor., S., II, 2 et 4)

Сатиры Горация - явление исключительно сложное. Их уникальная особенность состоит в том, что не только отдельные стихи и отрывки, но даже целые сатиры допускают множество разнооб-

© В.С.Дуров, 1992

разных интерпретаций. Сатиры изобилуют литературными и философскими реминисценциями, намеками на события и факты современной Горацию римской действительности, а также эпизоды, нередко курьезные, из личной жизни самого поэта (см., напр.: S., I, 9). Многие детали биографии сатирика навсегда утрачены для нас, поэтому намеки на них в его произведениях остаются недоступными нашему пониманию; мы можем лишь догадываться об их наличии в сатирах поэта. Художественная установка Горация-сатирика - "смеясь говорить правду" (*ridentem dicere verum*. - S., I, 1, 24). Это означает, что, даже смеясь, он всюду сохраняет серьезность своих намерений (S., I, 10, 14-15; ср.: Бр., II, 1, 262-263). Постигание комического в сатирах древнего поэта - уже само по себе дело чрезвычайно трудное, а если учесть, что шутовская форма служит ему для того, чтобы поговорить о вещах серьезных, становится ясно, что интерпретация сатир - занятие далеко не простое.

Истолкование сатир Горация, дающих для исследователей богатый материал для разного рода догадок, может идти как вглубь, так и вширь, с привлечением сведений, увиденных под тем или иным, часто неожиданным, углом зрения, из области истории, литературы, духовной жизни. Предлагаемое здесь истолкование нескольких пассажей из двух сатир Горация, которые по характеру являемого в них материала принято называть "гастрономическими" (S., II, 2 et 4), не имеет своим назначением опровергнуть общепринятые толкования этих сатир, а является всего лишь попыткой расширить привычное представление о возможностях горациевской сатиры, которые поистине неисчерпаемы.

В первой из названных сатир (II, 2) поэт передает поучение селянина Офелла о необходимости довольствоваться простой пищей, равняясь на умеренный стол предков. Хотя, говорит Офелл, обольстившись внешностью павлина, трудно не предпочесть его вурядной на вид курице (ст. 23-24), тем не менее "мясо павлина несколько не лучше куриного мяса, / Ясно, что в этом одна лишь наружность твоей вкус обольщает" (ст. 29-30).¹ В сатире звучит проповедь держаться во всем середине,² а завершается она изображением мудреца, напоминающего философа-стоика с его неизменным призывом сохранять бодрость во всех жизненных ис-

пытаниях и с твердой душой встречать враждебные удары судьбы.³

Мне представляется, что в повествование о бесхитростной трапезе крестьянина, составляющее основную часть этой сатиры, вложены, помимо прочего, важные мысли о соотношении формы и содержания, об обманчивости внешней формы и доминирующей роли содержания, т.е. мысли, которые впоследствии лягут в основу горацевской "Науки поэзии", выдающегося памятника античной классической эстетики, обобщившего раздумья поэта о путях развития поэзии.⁴ Что касается требования держаться во всем середины (ст. 63-69), названной впоследствии самим Горацием "золотой серединой" (*aurea mediocritas*. - *Sarm.*, II, 10, 5), то это уже не только жизненный, но и художественный принцип Горация.⁵

В начальных стихах "Науки поэзии" Гораций развивает мысль о единстве и цельности художественного произведения. Если художник, говорит Гораций, припишет к прелестной женской головке шею лошади, а тело разукрасит пестрыми перьями и довершит его рыбьим хвостом, то, взглянув на этот облик, вряд ли кто сможет удержаться от смеха (*Ars.*, 1-5). Сходная мысль, правда, применительно к поварскому искусству, звучит и в наставлениях Офелла, который, помимо прочего, показывает вред, происходящий от беспорядочного смешения несовместимых обычно кушаний: устриц с дроздами, вареного с жареным, что порождает внутренний беспорядок в желудке (*S.*, II, 2, 73-78).⁶

Цель Горация-сатирика, по его собственному признанию, - поучать и одновременно развлекать (*S.*, I, 4, 138-139; *IO*, 14-15; *Br.*, II, 1, 262-263). Юмор, заключенный в его сатирах, был хорошо понятен друзьям поэта, но, к сожалению, не всегда доступен современному читателю. По всей вероятности, в рассматриваемой сатире II, 2 комический эффект достигается за счет исключительной серьезности тона, в котором излагаются поучения о простой пище и умеренности в еде. Серьезность, с которой Офелл убеждает Горация в необходимости довольствоваться самой простой пищей, видимо, весьма потешала друзей поэта, хорошо осведомленных о его пристрастии к изысканной кухне, о чем можно судить по некоторым замечаниям самого сатирика и на основании некоторых фактов его древнего жизнеописания. Так, в 7-й сатире 2-й книги раб Дав, пользуясь сатурнальской вольностью, ко-

гда раба и господа словно менялись местами, порицает своего хозяина Горация за то, что тот является рабом своих страстей. Дав обвиняет его, в частности, в том, что он тратит деньги на разносолы (ст. 105-106). "Разве не раб, кто проматывает свое состояние в угоду своему жадному брюху?" - спрашивает он Горация, браня его за непостоянство в мыслях и речах, ведь стоит ему не получить приглашения на ужин, как он начинает восхвалять простую зелень и овощи (ст. 79-80).⁷

Мы располагаем сообщением Светония о тучности Горация, которая указывает на слабость поэта к хорошей кухне и которая, вероятно, не раз становилась объектом для насмешек его друзей.⁸ Император Август в письме, адресованном Горацию, подшучивает над его телесной полнотой: "Кажется мне, что ты боишься, как бы твои книжки не оказались больше тебя самого. Но если рост у тебя и малый, то полнота немалая. Так что ты бы мог писать и по целому секстарию, чтобы книжечка твоя была кругленькая, как и твое брюшко".⁹ Когда Гораций писал 2-ю книгу "Сатир", он, видимо, уже был склонен к полноте.¹⁰

Вполне возможно, что в сатире II, 2 Гораций, с серьезным видом выслушивающий наставления Офелла, предстает как мистификатор, морочащий головы непосвященным слушателям, что, однако, ничуть не мешало ему решать одновременно очень важные задачи.

Во второй "гастрономической" сатире (II, 4) Гораций словно бы смеется над тем, о чем он с такой серьезностью толкует в сатире II, 2. Она имеет форму диалога, который ведут между собой некий Катий¹¹ и сам Гораций. Собеседник поэта сообщает ему науку приготовления изысканных блюд и устройства пиров, вникая при этом во все тонкости кулинарного искусства, поэт со своей стороны выражает восторг по поводу нового учения.

И в этой сатире Гораций остается верен себе, ненавязчиво рассуждая о вещах серьезных и важных, скрытых в шутливой форме трактата на гастрономическую тему. Здесь, как в сатире II, 2, вновь звучит тезис о том, что форма определяется содержанием: тонкие предметы (*res tenuis*) требуют тонкого изложения (*tenui sermone* - ст. 9).¹² Затем, на примере кулинарного искусства поэт остроумно показывает преобразующее значение науки

и умения. По сути дела, в сатире II,4 продолжается обсуждение вопроса о взаимоотношении природы и искусства, т.е. природных качеств и приобретенного умения, который уже был затронут Горацием в сатирах на литературные темы (I,4 и IO). В них Гораций упрекает своего предшественника на сатирическом поприще Луцилия, хотя и обладавшего огромным природным дарованием, за несовершенство формы его произведений. Гораций считает, что одного таланта недостаточно, его нужно дополнить изучением. В конце своего творческого пути он так подытожил свои наблюдения по этому вопросу (Ars, 408-411):

*Natura fieret laudabile carmen an arte,
Quaesitum est: ego nec studium sine divite vena
Nec rude quid prosit video ingenium: alterius sic
Altera poscit opem res et coniurat amice.*

Что придает стихам красоту: талант или наука?
Вечный вопрос! А по мне, ни старанье без божьего дара,
Ни дарованье без школы хорошей плодов не приносит:
Друг за друга держась, всегда и во всем они вместе.

В приведенном отрывке из "Науки поэзии" Гораций не делает никакого различия между терминами *natura* 'природа' и *ingenium* 'талант, дарование', с одной стороны, *ars* 'искусство, наука' и *studium* 'учение' - с другой.¹³

В "гастрономической" сатире II,4 слова *natura* и *ars* появляются уже в начальных стихах, в которых Гораций восхищается прекрасной памятью Катия, - неважно: от природы она или от искусства (*sive est naturae hoc sive artis, mirus utroque* - ст.7). Талант (*ingenium*), поучает Катий, требуется и при изобретении нового пирога (ст.47), но к дарованию необходимо приложить еще умение (*artem*) и тонкое понимание вкусов (*tenui ratione saporem*). "Искусством пиров гордись не всякий, покуда / В точности сам не изучишь все тонкие правила вкуса" (ст.35-36). Этот совет Катия, если отвлечься от его конкретного гастрономического содержания, напоминает те, которые впоследствии прозвучат в "Науке поэзии", где Гораций советует

молодым поэтам "жизнь и нравы людей наблюдать для правдивости слога" (ст.317-318).

Ни таланту, ни искусству в "Науке поэзии" предпочтения не отдается,¹⁴ однако в написанных задолго до нее "Сатирах" Гораций так часто говорит об умении владеть поэтической техникой, что складывается впечатление, будто мастерству он все же отводит более значительную роль. Видимо, в то время, когда Гораций писал "Сатиры", ему приходилось чаще вести полемику с защитниками римской архаической поэзии, нежели с представителями модернистских тенденций, много внимания уделявшими формальной отделке своих произведений.

Считается, что Гораций, пародируя весьма популярные в Риме многочисленные руководства на все случаи жизни, облекавшиеся в форму дидактических поэм, высмеивает в сатире II,4 философов, которые, как кулинарные рецепты, предлагают наставления для счастливой жизни (*vitae praecepta beatae* - v.95).¹⁵

Любовь римлян к пародии и пародированию общеизвестна. Несколько десятилетий спустя остроумнейший из римлян Овидий создаст серию шуточных дидактических поэм явно пародийного характера. Сам император Октавиан Август, выслушивая стихи своего друга Мецената, писал на них пародии (*Suet. Aug., 86*).

То обстоятельство, что во 2-й книге "Сатир" Горация сатира 3, предшествующая рассматриваемой здесь сатире 4, содержит элементы пародирования одного из стоицистских парадоксов, а следующая за 4-й сатира 5 является целиком пародией на 11-ю песню "Одиссеи" Гомера, естественно полагать, что и сатира 4 - пародия, но не столь явная, как сатира 5. По всей видимости, поэт сознательно расположил в книге эти сатиры друг за другом в порядке нарастания в них пародийного элемента, когда готовил ее к публикации.

В сатире II,4 на всем лежит печать мягкого юмора, доброй уюмешки; во всем сквозит дружеское восхищение, тактично скрытое за внешней незначительностью содержания. Я полагаю, что Гораций таким образом в форме дружеской шутки мог откликнуться на появление 2-й книги "Георгиев" Вергилия, с которым он состоял в отношениях самой тесной и доверительной дружбы (см. в., I, 5, 41-42; 6, 54-55).

Когда Гораций писал свои "Сатиры", Вергилий работал над дидактической поэмой "Георгики", которая была закончена к 30 г. до н.э. и в начале 29 г. прочитана Октавиану. Приблизительно в это же время была издана 2-я книга "Сатир" Горация.¹⁶ Работа Вергилия над новым произведением вызвала живейший интерес в кружке Мecenата. Нет сомнения, что задолго до окончания всей поэмы отдельные ее части по мере их создания становились известными друзьям поэта. Появление "Георгии" стало заметным событием в литературной жизни Рима. Их автором восхищались и на него же возводили хулу, его превозносили и его же высмеивали в язвительных пародиях. Античный биограф поэта Элий Донат, в частности, сообщает, что, когда Вергилий читал стих из 1-й книги "Георгии": "Голым паши, голым сей...", — один из зложелателей поэта подхватил: "Простудишься, схватишь горячку". Вергилий был удобен для пародирования, чего нельзя сказать о Горации.

Шутливый перепев некоторых стихов и мотивов из 2-й книги "Георгии" имеется, на мой взгляд, и в "гастрономической" сатире Горация (П,4), чему способствовал, помимо прочего, стихотворный размер — гекзаметр, общий для обоих произведений.¹⁷ Саворная дружеская атмосфера, царившая в кружке Мecenата (см., например, Л., I, 5), побуждала поэтов к интеллектуальной игре и литературным забавам, носившим вполне безобидный характер, разумеется, если речь не заходила о явных врагах.

2-я книга "Георгии" начинается с обращения к Вакху с использованием излюбленного Вергилием глагола *canere* 'петь': *Nunc te, Vasse, canam* 'Ныне тебя воспую, о Вакх' (ст. 2; ср. ст. 176).¹⁸ У Горация Катий к своему рассказу о приготовлении званого обеда приступает весьма торжественно: *Ipsa memos praeserta canam* 'Припомнив, я воспую сами наставления' (ст. 11). Глагол *canere*, употребленный по отношению к пище, пусть даже изысканной, звучит несколько комично.

Вергилий во 2-й книге "Георгии" очень обстоятельно описывает различные виды деревьев и их плоды. Он, в частности, указывает на существование разных видов маслин и на их различное использование: "Жирных маслин имеются разные виды: / Круглые, длинные есть и горькие — эти для масла" (ст. 85–86; пер. С. Шервинского). Так же досконально и в буквальном смысле *ab ovo* на-

чинает свои поучения горацевский Катий: "Продолговатые яйца — запомни! — вкуснее округлых: / В них и белее белок, и крепче желток, потому что / Скрыт в нем зародыш мужеска пола. За званым обедом / Их подавай" (ст. 12–15). Такая основательность вызывала, вероятно, улыбку слушателей поэта.

Каждого, кто возьмет в руки "Георгии", поразит в них обилие географических названий. У Горация повествование о последовательной смене блюд во время пира также насыщено географическими указаниями. Вот как, например, сообщает Катий о деликатесах, добываемых со дна моря: "Лучше в Лукрине простые улитки, чем в Байском заливе / Даже багрянка сама, цирцейские устрицы к славе; / Еж водяной — из Мисена, а гребень морской — из Тарента" (ст. 32–35). Повествование просто тонет в обилии подобных уточнений и напоминает путешествие по географической карте, а рассказчик проявляет столь глубокую осведомленность даже в малейших деталях, что поневоле закрадывается сомнение в достоверности приводимых рецептов и серьезном отношении к ним автора сатиры.

Художественная установка "Георгии" во многом была близка везувийскому поэту. "Дидактическая задача Вергилия, — отмечает И. М. Тронский, — состояла не столько в изложении агрономической дисциплины, сколько в проповеди нравственной ценности земледельческого труда, в показе его радостей, в прославлении сельскохозяйственной деятельности как специфической формы жизни".¹⁹ Гораций тоже всюду прославляет скромный достаток в деревне. Он с большой симпатией рисует мирный труд крестьянина, любясь благочестивой и неспешной жизнью на лоне природы вдали от городской суеты. А стихи Вергилия, посвященные противопоставлению города и деревни (G., 2, 457–518),²⁰ могли бы украсить собой "Сатиры" Горация. Импонировало сатирику и вдохновенное прославление труда в поэме Вергилия, ведь и он постоянно говорит о необходимости не жалеть труда при отделке стихотворений.²¹

Таким образом, в сатирах П, 2 и 4 Гораций остается верен художественному принципу, избранному им еще в 1-й книге "Сатир". В шутливой, развлекательной форме он откликается на важнейшие события современной ему литературной действительности. В самом начале своего творческого пути включившись в полемику с почи-

тательная римской архаической поэзии, Гораций даже в тех сатирах, которые по своему содержанию далеки от литературной проблематики, с большим искусством и остроумием решает актуальные вопросы литературной теории,²² закладывая тем самым основы будущей "Науки поэзии", поэмы, обобщившей весь опыт его поэтической деятельности.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод стихов Горация дается по кн.: Г о р а ц и й Флакк Квинт. Одн. Эподн. Сатиры. Послания. М., 1970.

² Тема меры, заявленная Горацием уже в начальной сатире 1-й книги "est modus in rebus" ("есть мера в вещах". - S., I, 1, 106), станет сквозной в его творчестве.

³ О сатирической поэзии Горация и его философских взглядах, в частности, см. главу "Смеясь говорить правду..." в кн.: Д у р о в В.С. Жанр сатиры в римской литературе. Л., 1987. С. 61-88.

⁴ О соотношении содержания и формы в сатирах и "Науке поэзии" самого Горация см.: Н е r i n g W. Die Dialektik von Inhalt und Form bei Horaz: Satiren Buch I und Epistula ad Pisones // Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike, 20. Berlin, 1979. - "Форма горациевских сатир, - пишет В.Геринг, - не является чем-то абстрактным, в каждом отдельном случае она определяется конкретным содержанием сатиры" (с.72).

⁵ О литературном кредо Горация см.: D' A l t o n J.F. Roman literary theory and criticism: A study in tendencies. New York, 1962. P. 354-437.

⁶ Ср. с отрицательным отношением Горация к тем поэтам и прозаикам, язык которых представляет собой смесь латинских и греческих слов (S., I, 10, 20-30).

⁷ Офелл, ратуший за простоту и умеренность в пище, делает все же исключение для больных и пожилых людей, которым для укрепления сил требуются особо лакомые блюда (S., II, 2, 87-88). На слабость своего желудка и больные глаза Гораций ссылается в сатире I, 5 (ст. 8-9, 30, 49).

⁸ См.: S u e t o n i o. Vita di Orazio a cura di G. Brugnoli. Roma, 1965. P. 20-23, 32.

⁹ Перевод М.Л.Гаспарова по кн.: С в е т о н и й Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М.; Л., 1964.

¹⁰ В 4-м послании 1-й книги Гораций сам посмеивается над своей полнотой, сравнивая себя с упитанным поросенком (Ep., I,

4, 15-16), что при малом росте поэта (Ep., I, 20, 24; S., II, 3, 309), выглядело, должно быть, комично.

¹¹ В научной литературе не раз предпринимались попытки отождествить горациевского Катия с какой-нибудь исторической личностью. Вопрос до сих пор остается открытым. По всей видимости, Катий - это один из современников поэта (см.: C l a s s e n C.J. Horace - a cook? // The Classical Quarterly. 1928. Vol. 28, N 2. P. 334-336, 344).

¹² Выражение tenui sermone перекликается с выражением греческого поэта Каллимаха λεπτοὶ λόγοις "тонкие речения" (ep. 27 Pfeiffer). Прилагательное tenuis, помимо указанного места, в этой сатире употреблено также в ст. 36. О терминологическом значении греч. λεπτός см.: Ч и с т я к о в а Н.А. Эпитеты "тонкий" и "толстый" в каллимаховской поэме // Язык и стиль памятников античной литературы / Отв. ред. Ю.В. Откущников. Л., 1987. С. 166-172 (Philologia classica. Вып. 3).

¹³ Г а с п а р о в М.Л. Композиция "Поэтики" Горация // Очерки истории римской литературной критики / Отв. ред. Ф.А.Петровский. М., 1963. С. 148.

¹⁴ См.: Г а с п а р о в М.Л. Композиция "Поэтики" Горация. С. 132-133. - См. также: П е т р о в с к и й Ф.А. Ingenium - ars (Возникновение проблемы о природном даровании и мастерстве в античной литературе) // Eirene. Прага, 1964. Т. 2.

¹⁵ О различных толкованиях этой сатиры см.: C l a s s e n C.J. Horace - a cook? P. 333-348; R u d d N. The Satires of Horace. Cambridge, 1966. P. 202-213. - Э.Френкель сопоставляет начало этой сатиры с некоторыми пассажами из диалогов Платона (F r a e n k e I E. Horace. Oxford, 1957. P. 136).

¹⁶ Общепринято, что 2-я книга "Сатир" Горация была опубликована ок. 30 г. до н.э. (см.: W i l l i a m s G. Horace. Oxford, 1972. P. 20). Согласно хронологии сатир Горация, приводимой Э.Штадлером, в декабре 28 г. до н.э. поэт еще писал сатиру II, 7. В таком случае дата публикации 2-й книги "Сатир" должна быть сдвинута по крайней мере к 27 г. до н.э. Если сатира II, 4 была создана, как указывает Э.Штадлер, зимой 33 г. до н.э., то это означает, что Гораций мог возвращаться к ее доработке вплоть до 28 г. до н.э. (см.: S t a e d l e r E. Thesaurus Horatianus. Berlin, 1962).

¹⁷ Вергилию приписывается небольшая "кулинарная" поэма под названием "Mortetum". В ней приводится рецепт паштета, который готовит себе на завтрак простой крестьянин.

¹⁸ Ср. также начало "Энеиды": Atque virgumque sano.

¹⁹ Т р о н с к и й И.М. История античной литературы: 4-е изд. М., 1983. С. 356.

20 См.: Забулис Г. "Георгики" Вергилия: Место поэмы в творческом пути поэта: Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1962. С. 10-11.

21 Достаточно вспомнить знаменитый призыв Горация "заере stilum veritas" - чаще переворачивай стиль, т.е. чаще исправляй написанное (см. S. I, 10, 71), и его совет не торопиться с публикацией и хранить написанное до девятого года, поскольку литературное произведение всегда требует длительной и тщательной обработки (см.: Ars, 386-390).

22 Н. Рад, в частности, пишет: "Как ципероновский оратор в определенном порядке располагает свой материал и выдвигает аргументы, так повар точно знает, как должны быть приготовлены и поданы различные блюда" (R u d o N. The Satires of Horace. P. 203).

А.В.Грошева

ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА (Q. Horatii Flacci. Satm., I, 31)

С развитием в последние десятилетия такой новой для языкознания области, как лингвистика текста, создалась реальная возможность преодолеть разрыв, возникающий между литературоведением и лингвистикой в тех случаях, когда объект исследования - художественные произведения - оказывается у них общим. Известно, что литературоведы обычно не пользуются данными лингвистического анализа, равно как и среди лингвистов до сих пор наблюдается тенденция относиться к литературоведческим исследованиям как к чему-то чуждому.

Однако методы литературоведческого и лингвистического анализа, как выяснилось, могут успешно дополнять друг друга; разумное их сочетание позволяет достичь полного и адекватного понимания информации, заложенной в художественном произведении.

Мысль о применении такого комбинированного подхода к античным поэтическим текстам возникла у автора настоящей статьи под влиянием недавнего исследования М.Л. Гаспарова о гимнах Горация,¹ в котором прежде всего обращает на себя внимание не-

© А.В.Грошева, 1992

традиционный подход к вопросу о развитии содержания в стихотворениях Горация, состоящий в том, что за единицу текста принимается не строфа, как обычно, а фраза, и во главу угла ставится изучение способов сцепления фраз между собой, т.е. проблема связности текста. В гимнических одах Горация выявляется определенный набор способов семантической связи смежных фраз. Одни из этих способов М.Л. Гаспаров считает отчетливыми и бесспорными, другие кажутся ему сомнительными и субъективными. В отдельном произведении редко можно увидеть один способ связи; как правило, наблюдается переплетение, сочетание разных способов связи - ведущих и сопутствующих.

Небольшой гимн "К Аполлону" написан Горацием по случаю освящения в октябре 28 г. до н.э. храма Аполлона, возведенного при Августе на Палатинском холме в честь победы при Акцим (перевод М.Л. Гаспарова; далее в тексте переводы даются с небольшими поправками автора статьи):

(Satm., I, 31)

I	Quid dedicatum poscit Apollinem
Vates? Quid orat, de patera novum
Fundens liquorem? Non opimae
Sardiniae segetes feraces,
5	Non aestuosae grata Calabriae
Armenta, non aurum aut ebur Indicum,
Non rura, quae Liris quieta
Mordet aqua taciturnus amnis.
10	Fremant Calenam falce quibus dedit
Fortuna vitem, dives et aureis
Mercator exsiccet culullis
Vina Syra reparata merce,
15	Dis carus ipsis, quippe ter et quater
Anno revisens sequor Atlanticum
Impune. Me pascunt olivae,
Me cichorea levesque malvae.